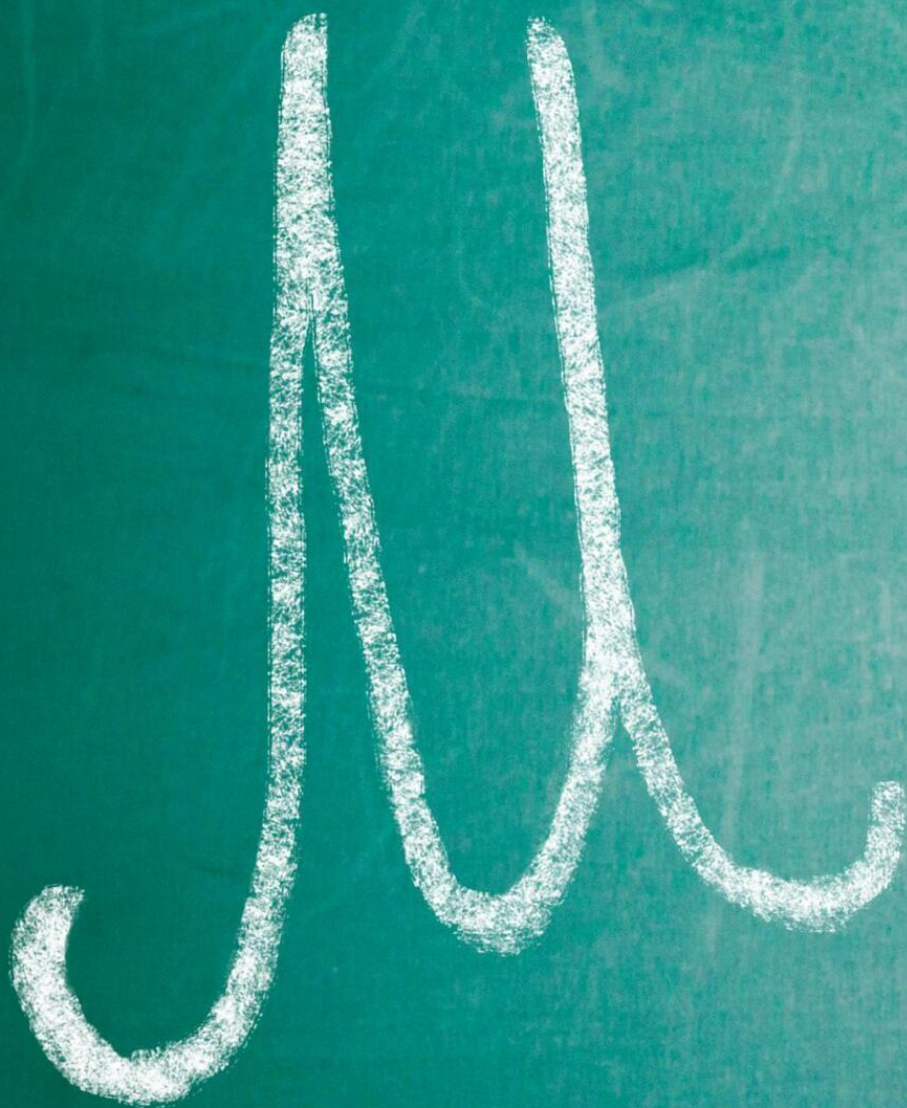

Мария Знобищева

Большая буква «М»

Мария Знобищева
Большая буква "М"

«Автор»

2023

Знобищева М.

Большая буква "М" / М. Знобищева — «Автор», 2023

Первая любовь ощущается главной героиней сразу в двух измерениях: реальном и вымышленном. Мечтательница ходит в школу, переживает за одноклассника и не может признаться ему в чувствах, а по вечерам записывает сокровенные мысли в "Дневник неотправленных писем". Кажется, он ничего не подозревает о симпатии с её стороны. Удастся ли подросткам Услышать друг друга? Бывает ли любовь напрасной? Ответы на эти и другие вопросы ждут вас в книге.

© Знобищева М., 2023

© Автор, 2023

Мария Знобищева

Большая буква "М"

Большая буква «М»

На каждом человеческом сердце, словно перочинным ножиком на коре одинокого дерева, вырезана Большая Буква. Говорят, иногда эту букву образуют линии на ладони. И трудно сказать, есть ли что-нибудь неотвратимее, чем эта буква, большая настолько, что целый мир становится ей мал, – буква первой любви.

Буква «М»

Дашка переделала все утренние дела: убрала со стола посуду, прополола морковку, чисто вымыла крыльцо. Теперь можно забраться на чердак и побыть со своими мыслями. Это так говорят: побыть со своими мыслями.

Иногда Дашке кажется, что одна мысль похожа на скрюченную старушку, молча сидящую в углу, другая – на ленивого кота, который ни за что не даст себя погладить, третья напоминает пальму, а у четвертой восемь щупальцев, и в каждом она что-нибудь держит (книжку, теннисную ракетку, яблоко, морскую раковину). На чердаке всегда душно и пахнет пылью, железная крыша раскалена от солнца; зато никто не подумает искать Дашку здесь. Никто – это сестрёнки, родная и двоюродная, Саша и Алёнка, ровесницы, им по девять лет. А Дашке уже четырнадцать, и так тяжело объяснять, почему ей не хочется играть с ними в куклы.

А чего ей хочется? Думать и думать... о нём.

Иногда думы становятся такими большими, что не помещаются в голову, и Дашка открывает тетрадь, низко склоняется над ней (так, чтобы не увидел никто, даже солнце в окне, даже ветер, перебирающий листья) и пишет, пишет:

*Любовь бывает – якорь,
Бывает – шар воздушный.
Бывает – словно яблоко,
Сомненьями надкушенное.
Я строю, а ты рушишь.
Но замки – в облаках...
И все эти игрушки
Ты не держал в руках.*

Конечно, этих стихов она ему не покажет. Он вообще, наверное, не читает стихов. Сидит сейчас у себя дома и играет в приставку. Или может, родители, как в прошлом году, отвезли его в спортивный лагерь... Он играет там в футбол, баскетбол, купается в речке. Это всё, что он любит, и ему там хорошо. Он, наверное, ещё подрастёт, будет осенью весёлым и загорелым...

Дашка мечтает стать великой поэтессой. Тогда её книжки будут продаваться в каждом магазине... А как же всё-таки он их прочитает? Значит, надо, чтобы имя её попало в учебники по литературе. И когда Максим женится (на Катьке Сивцовой, например, или на Ленке Фарфоновой... а скорее всего, на одной из подружек своей сестры, сестра у него красавица, ходит в школу фотомоделей) у него родится сын, такой же симпатичный, с тонкой длинной шеей и хохолком на затылке, пойдёт в школу, и там по литературе им зададут выучить наизусть стихотворение современного поэта.

– Выучи с ребёнком стихотворение! Можешь ты уделить ему хоть полчаса? – с упреком скажет модель, заправляя оливковым маслом диетический греческий салат.

– Давай, что ли, – нехотя скажет сыну Максим и возьмёт в руки учебник.

А там... там... стихи... её – ему!..

– Даша-а-а! Даша!

Голос бабушки возвращает её на землю.

– Я тут, бабушк!

– Опять там пылишься? Слезай, пойдём огурцы солить.

Дашка бредёт за бабушкой и думает, что огурцы – это самое то. Если бы не было огурцов, крыльечка и грязной посуды, всех этих обедов и ужинов, распорядков и привычек, она бы, наверное, сошла с ума от мыслей. «Руки всегда должны быть заняты, – говорит бабушка, – тогда и на глупости времени не останется».

У корыта с прохладной водой сидят на корточках Саша и Алёнка. Бабушка выдала им по тряпочке, и сёстры старательно трут огурцы.

– Ну, как? Всем уже придумали имена? – спрашивает Дашка, устраиваясь рядом.

– Да, – смеётся Саша, указывая на желтобокий огурец-гигант, – это Захар.

– А это Петька, – говорит Алёнка и опускает его в таз с чистой водой, худенького и длинного.

– Та-ак! – одобрительно кивает Дашка. – А это Микула Селянинович!

Бабушка кипятит банки, ей некогда, но странное имя огурца заставляет её обернуться.

– Ой, Господи! Куда же такой?! И как он только сюда попал? Такие ж надо на семена откладывать! Вы как его солить собрались? Он и в банку не влезет!

Внучки хохочут. Дашке ещё смешнее от того, что ей вспомнились слова из былины, когда ордынцы просили русского богатыря о пощаде: «Ты оставь нам бояр хоть на симена!». Да, такого боярина лучше отпустить на волю...

Под шутки и хохот девчонки работают быстро, и скоро в большом тазу плавают совсем новые, блестящие огурчики, вновь наречённые, довольные, как именинники.

Мимо проходит дедушка. Останавливается, любясь картиной. Он любит, когда все заняты делом, и сам трудится от зари до зари.

– Вот достанем их зимой из баночки, да с картошечкой, хрустящие!.. Красота... Это, девки, всегда так. Весной сажаешь семена, летом ухаживаешь, под осень тада собираешь. А зимой – кушай на здоровье. Хитро в природе всё придумано...

Алёнка толкает Сашу в бок, и они тихонько исчезают. Не любят слушать пространные дедушкины речи.

А Дашка любит. Дедушка умный, много читает, особенно любит «Войну и мир».

– Тебе кто там нравится? – спрашивает он Дашку, прищурившись.

– Ну... княжна Марья...

– Это понятно. А из мужиков? Пьер, небось?

– Ну... да. – Дашка знает, что дед не одобрит выбор, но Пьер добрый, понятный. Если бы она родилась мужчиной, была бы такой, как Пьер.

– Э-эх, – машет рукой дедушка, – этот Безухов – не мужик, а тряпка. Мешок. Другое дело – Болконский. Болконский не нравится тебе?

Станный вопрос! Ну как он может не нравиться? Тем более, после фильма... Только есть в нём что-то... Дашка пока не знает, как назвать. И в Максиме это есть. То, из-за чего им никогда не быть вместе, из-за чего даже увалень-Пьер кажется роднее.

Однажды Ольга Ефимовна на уроке русского спросила их, что самое главное. И стала поднимать по одному. Кто-то отвечал: «семья», кто-то – «доброта», кто-то – «правда». Дашка, покраснев до кончиков ушей, прошептала: «Любовь». И скороговоркой добавила: «Не только между мужчиной и женщиной, а ещё любовь матери к ребёнку, человека к природе, всех людей между собой». Сосед по парте, Данилка, почему-то начал смеяться. А когда дошла очередь до Максима, тот ответил совсем странно:

– Главное, чтобы о тебе не подумали плохо. О тебе или о твоей семье.

– Поясни, – попросила Ольга Ефимовна.

– Ну, мой отец – лучший тренер в области. И он всегда нам говорит, что мы должны жить так, чтобы не уронить честь семьи.

– Видишь ли, честь и то, что подумают другие люди, – довольно далёкие друг от друга понятия, – попробовала поспорить учительница.

Но Максим её не понял.

Он не идеальный, конечно, её Максим. Но Дашка любит его и таким. Перед сном, когда сестра сопит в своей кровати, она водит пальцем по стене, пишет ему в голубом квадрате лунного света:

«Будь, пожалуйста, добрее».

«Пусть тебе приснится море».

Или – самое частое, самое заветное: «Я люблю тебя»...

Она так мучительно и сладко, так постоянно думает о нём, что не может не плакать. И ночью ей кажется, что ивы за окнами всё видят. Видят, а потом тихим шелестом передают городским деревьям, тополям, живущим на его улице.

Днём Дашка бежит к ручью. Этот ручей течёт за домом, в зарослях густого камыша. Когда-то он был чистым, а теперь две соседние фабрики сливают в него отходы. Соседи зовут его ручей-вонючка, им не за что его любить: весной, когда тает снег, вода подтапливает подвалы. На какой-то карте ручей именуется Собачьим. А для Дашки, её сестёр и двоюродных братьев он всё равно любимый. Здесь, на крошечном песчаном островке, закрытом от посторонних глаз ветками ракушек, они строят шалаши, наводят хрупкие мостки. Здесь ещё недавно Дашка строила дома для палочных человечков: кровати из листьев, столы и стулья из камней, кастрюли из бутылочных крышек, рисовая каша из лепестков клевера. А теперь здесь *приют задумчивой грусти* – так Дашка назвала его сама. Можно сесть на камень у чёрного омутка, сесть тихо, не распугав пригревшихся на солнце лягушек, и пустить по ручью свою лодочку – узкий ивовый лист. На листке всего одна буква: «М», обведённая сердцем. Эта буква у Дашки любимая: «Мой Милый Максим».

Ручей впадает в речку Цну. Это хорошая речка, тихая, с тёмной водой. И она течёт где-то там, через пригородный лес, мимо лагеря «Орлёнок». Не доплывёт листочек до лагеря, не придёт купаться в тот день Максим, не станет разглядывать мокрые листья, не поймёт, для чего там такая буква, не узнает писавшую... И всё-таки пусть ива знает, пусть вода знает, пусть небо знает... А больше никто.

Из дневника неотправленных писем

31 июля

Здравствуй, Максим! Сегодня я буду писать о твоих глазах.

Как ты живёшь с такими глазами?

Когда во втором классе ты перешёл в нашу школу, в тот самый первый день, когда ты вошёл в наш класс и улыбнулся, мне показалось, что в комнате случился взрыв. Я ни у кого не видела таких глаз. Они у тебя манящие, с тайной. Такими я видела озёра в лесу на севере, чистые и в то же время тёмные, потому что вода в них холодная, бьют ключи. Кругом стоят вековые сосны. Это твои ресницы. Если бы я стала крошечной, я никуда не ушла бы отсюда. Сидела бы на берегу твоего глаза. Слушала бы, как шумят ресницы.

Ещё иногда они нежные. Если ты улыбаешься. Ты так хорошо улыбаешься – сначала одним уголком губ, а потом весь. Кажется, что улыбаются даже уши, волосы и затылок. Но

о твоей улыбке будет отдельное письмо. Такие нежные глаза (но ты не обижайся!) бывают только у девочек. И странно, зачем Бог сделал тебе такие.

А иногда мне кажется, что твои глаза – старые. Потому что душа живёт на земле не в первый раз. Наверное, ты был раньше канадским священником, а ещё раньше – польским паньчем, гордым и спесивым любимцем дам. А ещё раньше – рыцарем, а до того – друидом.

У тебя сияющие глаза! Вот – наконец-то я нашла слово! Глупо писать: «они как звёзды», но это так. Из-за того, что лицо у тебя очень белое, а волосы чёрные-чёрные, твои глаза даже не сияют, а вспыхивают – особенно, если кто-то тебя разозлит и ты резко поднимаешь веки. Наверное, таким взглядом можно сразить, как мечом.

Иногда я представляю, каким будет твой взгляд, когда ты полюбишь. Не меня, конечно. Ну и пусть – не важно, кого! Я от всей души желаю тебе испытать это счастье.

Глава вторая. Бабушкина тайна

Дашка рассыпает по банкам приправы: по две палочки гвоздики, по три горошины перца, по одному лавровому листу, по зубчику чеснока. Бабушка мочит в воде пахучие метёлки укропа. Их положат сверху.

– Бабушка, а ты дедушку любишь?

– Ты почему... спрашиваешь?

Бабушка проворно расставляет в банке огурцы – столбик к столбику, по кругу. Её полная рука вдруг застревает.

– На вот, расставь-ка, у тебя запястья поуже. Сначала столбиком, а дальше – плашмя.

Дашка ждёт ответа. Бабушка такая: подумает сто раз, прежде чем выронит слово. Но переспрашивать не надо.

А бабушка косится на внучку, неслышно вздыхает. «Что ж, значит, пришло время для таких вопросов. Выросла девочка, хорошая стала. Время летит быстро».

– Привыкла к нему, Даш. А как же? Сорок лет вместе.

– А как вы познакомились?

– Д... как? – бабушка смутилась. – Он раньше-то в Новой Жизни жил. А к нам приехал, когда уж ему шестнадцать было. Хвалили его, трудящий. У него же четыре сестры, а отец – какой работник? Фронтовик, весь больной, худой насквозь (это с тех пор, как немец его в концлагере штыком проткнул). Вот дед с четырнадцати лет и работал. С таких вот почти, как ты... Сначала помощником механизатора, потом трактористом. Ну, присмотрел, значит, меня. Перегородил дорогу: «Выходи за мене!». А он широкой был, костистый. Попробуй не выйди за него....

– Ну... Он тебе хоть немножко... нравился?

– Как сказать... Потом уж... А так... нравилси мне там один. Сашкой звали. Хулиган был! Наш, селезнёвский. Дед-то был приезжий. А энт Сашка – свой. Многим девочкам нравилси, чернявый такой, как цыган, весёлый.

– А он что?

– Что?

– Ну, обращал он на тебя внимание?

– Смотри-е-ел... – бабушка говорит нараспев, и голос её звучит нежно.

Дашка смотрит в бабушкино лицо. Бывает же так: вроде бабушка, а как девочка. Наверное, красивой она была. Дашка видела на фотографиях: тёмная волна волос, ясный лоб, светлые глаза, и улыбка – кроткая-кроткая. А сама совсем худенькая – былиночка, Снегурочка. И стоят они с дедом, взявшись за руки, – жених с невестой. Он уже тогда коренастый, крепкий, с залысиной, темноглазый – в маму-татарку. А она в пальтишке, в пуховом платке, в чулочках и

туфельках прямо по снегу... На чёлке у виска снежинки... Наверное, в клуб ходили. Бабушке там семнадцать, ему – девятнадцать. Она и сейчас красивая, особенно когда улыбается.

Сашка, значит... И Дашку осеняет:

– А ты поэтому так дядю Сашу назвала?

Бабушка смотрит как-то... испуганно. Удивлённо. Что-то тронула Дашка, что трогать нельзя. И чего бабушка застыдилась? Она вот тоже шепчет теперь в темноту никому не нужные клятвы: «Если у меня будет сын, назову его твоим именем. Если дочка – именем твоей сестры...».

Второго сына, Дашкиного и Сашиного отца, назвали Юрием (потому что Гагарин в космос полетел), третьего – Николаем, в честь дедушки. А Сашка? Ну, Сашка и Сашка...

– Ты смотри, Даш, чтобы был трудящий. Если трудящий, у него и голова светлая, и пить не будет, и всякое другое – ни-ни... Красивых много, а надо, чтоб он был тебе хорошим мужем, не обижал, ребяташкам пример подавал...

Дашка слушает, но это кажется таким далёким: муж, ребяташки... Всё равно у неё этого не будет. Потому что Максим её не полюбит, а за другого она не пойдёт.

«Так что буду писать стихи, – думает Дашка. – Так, наверное, тоже можно. Наколдую ему всё-всё – словами, стихами, хоть он их и не читает! И жизнь у него пусть будет хорошая».

Уютно стоять и молчать с бабушкой, что-то делать, не торопясь. Это как рядышком с ивой: тепло-тепло. Бабушка не спросит лишнего, никогда не упрекнёт, а если есть, что выслушать, послушает сердцем и всё поймёт.

И так будет каждый день, пока не переведутся огурцы. А потом пойдут помидоры. И затем придёт грибная пора. Полетят по воздуху тонкие паутины, станут прохладными ночи. Мама поведёт их с Сашей покупать одежду к школе: чёрные пиджаки, серые водолазки (директор заставляет носить именно серые). И Дашка будет гадать, как понравится *ему* в таком бесформенном и сером? И перестанет спать за неделю до школы... Как можно спать, когда они вот-вот встретятся?..

Из дневника неоправленных писем

24 августа

Как и обещала, сегодня я напишу о твоей улыбке. Она иногда застенчивая, иногда озорная, иногда – дерзкая. Этим летом я читала «Всадника без головы». Там есть такой герой Морис Джеральд. Я представляла, что это ты, когда читала. Знаешь, он такой же смелый и ловкий. Если бы ты жил в то время в Америке, ты бы тоже ловил мустангов с помощью лассо и был бы одним из лучших наездников.

Иногда мне жаль, что сейчас у парней так мало возможностей быть красивыми. Вместо коней – машины, вместо красивых мундиров, в которых спина всегда прямая, плечи широкие, а пояс тонкий – какие-то бесформенные брюки с заклёпками, футболки и шорты. А ещё знаешь, эти «шуришские штаны» от спортивных костюмов, в которых ходят у нас по городу мужчины. И вот улыбка... Сейчас она у многих затравленная, кривая. И глаз не видно из-под чёлки. А мне нравится, как улыбаешься ты – не из этого времени. Ты гордо приподнимаешь подбородок (которым я так часто люблюсь!), слегка смежаешь веки, кажешься неприступным, но тут... на твоих губах появляется улыбка: тоненькая, нежная, нежданная, как луч солнца в грозном небе. И у меня в такие минуты по спине пробегают мурашки.

Скучаю по тебе. Жду и жду, когда ты снова улыбнёшься – так, как в том мае, когда говорил с Андреем, стоя рядом с нашей партией. Ещё ты смеялся. Данилка сказал бы: «ржал». Но о тебе я никогда не скажу так грубо. Улыбайся чаще, моя радость.

Я люблю тебя.

Старый пруд

Есть пора между летом и осенью, когда свежее становятся ночи, а небо раздаётся, отдаляется, темнеет глубиной и, как яблоками, покрывается звёздами. По утрам легко почувствовать в воздухе сухой горьковатый аромат костров, различить паутинки, разбросанные по кустам облепихи, по разлапистым веткам клёна, к которым уже пришиты алыми лоскутами тревожные листья-флажки, по макушкам увешанных плодами слив.

В эту пору Дашка ходит с Сашей и родителями на дачу – убирать огород. Под деревьями ещё лежат переспевшие ягоды тёрна, жёлтые и фиолетовые сливы, изъеденные осами сахарные груши. Кусты картошки, которую успели выкопать в субботу, желты и грязны, как водоросли, выброшенные морем. Осталось срубить капусту, выдернуть остатки свёклы, сжечь ботву и срезать, уходя, цветы, чтобы сделать к началу осени три букета для Саши, Алёнки и Дашки.

Сосед дядя Коля, как обычно, ругается. Он жил на даче всё лето, и на его земле не найти ни единого ненужного ростка. А у забора Кондрашовых поднялся метровый хвощ, на малине и крыжовнике висит повитель, обломанная ребятишками ветка яблони так и не спилена.

– По морям, по заграницам! А на дачу только по выходным! – ворчит дядя Коля, и Дашке кажется, что это Леший, вернее, Дачный, дух-хозяин здешних мест. – Сейчас ведь как?! Купюте зямлю – и давай шашлык жарить. А она ведь живая, ей уход нужен. Она у вас тут и пропадает, как женщина, которая не ро́дит. Злая земля.

Эти слова кажутся Дашке несправедливыми. Они ли не делали грядки вместе с мамой? Они ли не сажали ряд за рядом семена, они ли не пололи в жару клубнику и морковь? А потом не Сашка ли, маленькая, с ногами, грязными до колена, таскала в дырявой лейке воду для поливки?

– Не расходишь, дядь Коль, – отвечает папа. – Мы с женой в этом году без отпуска. Хорошо, хоть так справляемся.

Но сосед продолжает ворчать, потому что не знает места лучше и важнее дачи. И у мамы портится настроение, и Дашке с Сашей больше не хочется печь на костре духмяные яблоки, пшикающие соком.

Когда работа заканчивается, мама расстилает на траве байковое одеяло, раскладывает яйца, помидоры, лук, колбасу. Рядом тут же устраивается пёс Филька (ни одного похода на дачу он не пропустил). Видно, как он сглатывает слюну, как отражаются в глубине коричневых умных глаз рыжеватые язычки костра. Саша смеётся, бросает ему колбасные шкурки, и Филька подпрыгивает, к большому неудовольствию мамы, повисает над скатертью шерстистой радугой коренастого тела.

– Я погуляю, – бросает Дашка и, не дождавшись ответа, уходит. Сегодня ей обязательно нужно навестить пруд.

Этот пруд был раньше обитаемым. Когда они с Сашкой были маленькими, бабушка приводила их сюда купаться. А потом год за годом вода становилась грязнее, затягивалась ряской. Мальчишки выловили несколько ужей, чем до полусмерти напугали чинных тётенок с «богатых дач». Эти «богатые дачи» и выросли здесь из-за близости к пруду и лесу. Вдобавок кто-то пустил слух, что в пруду завелись русалки, и дурная слава сделала своё дело: место стало необитаемым.

Люди любят искать виноватых. Вот и решили обвинить во всём тёмном, во всех своих ужасах и ужасах, этот пруд. А Дашка не верит наветам, чует сердцем: он чист.

«... Что такое любовь? Почему она проходит? Когда, в какой день и час люди перестают понимать друг друга, заботиться друг о друге? Или можно любить только самых близких, а весь мир – ярко и по-настоящему – только когда ты юный?» – так думает Дашка, склонившись к своему отраженью. Сейчас, когда в её сердце, как в этом пруду, плавают облака и листья, когда

в нём отражается каждая травинка и любое дуновение ветра вызывает дрожь, трудно понять, откуда берётся в мире зло и почему бывают жестокими люди.

Сегодня пруд тёмен, чуток – её душа. С ногами в тёплой глубине, Дашка сидит на прогретых за день мостках, одна, в стороне от роящихся дач, от времени и людей. В дремотной немоте воды белеет её лицо – неподвижное, немного чужое своей скуластой серьёзностью. Поёт комарик. Приближается вечер.

На воду соскальзывает лист – лёгкий, сухой – плыть и плыть, не боясь утонуть. «Это с тополя», – думает она, запрокинув голову. И тут начинается. Кружится солнечный водоворот, вовлекая в свою воронку небо, листья, птиц, стрекоз, кусты ракушек, блики солнца на них, пруд и Дашку вместе с мостками. Странное и страшное счастье – жить... Сужаясь там, в высоте и глубине, у самого дна воронки, в просвете тополиной кроны и ветвей, звонко голубеет небо. И сквозь тонкую плёнку облаков смотрит вниз чьё-то лицо, как будто тоже ища отраженье – здесь, на земле.

«А ведь я некрасива», – вспоминается Дашке, и голова её склоняется. Отражение смотрит с горькой и нелукавой усмешкой. «Почему же – нет?» – словно спрашивает зыбкость пруда. Игра теней и света, неслышное колыханье воды и воздуха творят другой и, может быть, истинный облик. Лицо отраженья мерцает и тает, по-русалочьи поёт и льётся. Некрасива и стрекоза, присевшая на краешек платья. Несуразная, с влажным выкатом глаз – металлическая и механическая в сравнении с бабочкой или пчелой. И всё-таки в стрекозе есть музыка, трепет и свет, есть задумка.

«А в чём была задумка, когда творилось то, что теперь – я? Может, в том, чтобы сидеть вот так и вспоминать его улыбку... Но, если вспомнить, до самой мельчайшей мелочи вспомнить, что – потом? Для чего? Что миру от моей любви? Может, она упадёт малюсенькой каплей в какой-нибудь такой же забытый всеми пруд, и никто о ней не узнает. Даже сам пруд ничего не поймёт, ему не станет ни холоднее, ни теплей. Тогда зачем, зачем?... Зачем срывать и лететь неведомо куда, отчаянно падать, а потом – умирать, растворяться?..».

Дашка вздрагивает. С тяжёлым звуком в воду плюхнулась жёлтая лягушка. Всё это время она сидела рядом, недалеко от Дашкиной ладони. Видно, как под водой лягушка отталкивается и плывёт в глубину, тёмную и понятную ей одной.

Из дневника неотправленных писем

28 августа

Завтра будет встреча с учителями и мы, наверное, увидимся. Каким ты стал за лето? Говорят, что лето – это маленькая жизнь. Если так, то я состарилась. Все мои дни были как один бесконечный сон. Если вынырнуть на поверхность – одно и то же, с точностью минута в минуту, по распорядку. А если не выныривать – лето было прекрасным.

Просто я всё лето думала о тебе. Мне кажется, ты должен был это чувствовать. Утром, днём, вечером, ночью, когда стрекоза качалась на листьях камыша, когда влетала в форточку назойливая муха, когда мы жгли за домом костёр, когда играли в лапту, когда катались на велосипеде, когда я шла за хлебом и когда заплетала косы, когда гремел гром и когда сияло солнце, когда луна целиком влезала в окно и когда звёзд не было видно, когда пищал сверчок и когда ругались соседи – я думала о тебе каждую минуту.

Руки что-то делали, ноги куда-то шли, уши кого-то слушали, глаза по привычке смотрели на зелень, на землю, но думала я о тебе. О тебе было облако, похожее на башмак (я сфотографировала его), о тебе были белые простыни во дворе у соседки, о тебе был влажный запах речного ила и плеск осторожной волны. Все книжки и песни – тоже были о тебе...

Вот так. Это мини-сочинение о том, как я провела лето. Из-за того, что учиться было не надо, в моём лете тебя было больше, чем в осени, зиме или весне. Скажешь: заиклилась.

Может, и так. Я ни на что не покушаюсь. Живи себе и живи – это только здесь, в своих письмах, я смелая, а вслух не скажу ни слова. И всё-таки, милый мой Максим, мне так интересно, каким оно было у тебя – это Лето...

После лета

Вряд ли Максим пойдёт на встречу с учителями, но вдруг всё-таки?.. Дашка знала, что если перед сном хорошенько «намечтать», желание точно сбудется. «Намечтать» – значит, представить в мельчайших подробностях, как будто нарисовать.

И она представила: Максима, подросткового за лето, ироничного, невозможного – под ресницами синий плеск, – себя в белом летнем платье (можно же, это же не на уроки), загорелую, похудевшую (целое лето сидела на овсянке, огурцах и яблоках, плавала, бегала, качала пресс), представила тополя у школьного крыльца, шумящее вокруг человеческое море... И так лежала всю ночь, не шевелясь, с бессонными сухими глазами.

... Утром ребята собирались нехотя. Пусть идут отличники – потом расскажут остальным. Но Дашка живёт дальше всех от школы, ей надеяться не на кого.

Она пришла на полчаса раньше. Встала на крылечке, как и мечтала. С крыльца видно улицу, на которой живёт Максим. И вот, не успела Дашка толком поволноваться, как он появился. «Так рано? И одноклассников ещё нет!».

Крикнуть бы: «Привет!». Подойти бы. Но Дашку словно к земле пригвоздили, шепнули: «Не смотри ему в глаза, ничего не говори». Ноги стали ватными. Дашка заставила себя улыбнуться, слабо махнуть рукой. И Максим кивнул. Кивнул, но не подошёл. Уселся на забор напротив крылечка. Сел и покрутил головой – стал ждать одноклассников. Только бы не достал телефон, не начал играть... «Подожди...», – попросила глазами Дашка.

Она решила обязательно сделать в этом году так, чтобы он всё узнал. Только как это сделать – пока не придумала. Не дело девчонке признаваться первой – это Дашка чувствовала, но психологи из девчачьих журналов в один голос советовали подавать знаки. Какие же это были знаки? Улыбки, взгляды, чувство юмора, хороший внешний вид, красивая походка. Всё лето ушло на репетиции. Но Дашка чувствовала: психологи что-то забыли. Разве в походку влюбляется человек?..

Она вздохнула: была – не была! – и принялась смотреть. Одноклассников пока нет, значит, можно. Сначала смотреть было страшно. Что он подумает? А потом... потом, наоборот, она и сама не смогла бы оторваться.

Рождает же земля на свет вот таких! Лицо у него светлое, белый лоб под чёрной чёлкой, брови – вразлёт, под ними глаза... и нет ещё такого хорошего верного слова, чтобы о них сказать. Глаза не голубые – синие, и там – такое!.. Губы тонкие, почти ниточкой, треугольный гордый подбородок. Ах, дедушка... Какой там Андрей Болконский!

Из дневника неотправленных писем

3 сентября

Ты вырос. Теперь мы одного роста. Выше меня только Элька, выше тебя – один Илюха. Мы одного роста, одного возраста (ты всего на три недели старше), мы родились в одном месяце – правда, чудесные знаки?

Как хорошо, что сегодня ты был у доски. Я так соскучилась по твоему почерку! Наверное, скоро почерк станет совсем неважным. Люди пишут друг другу в сети, посылают сообщения по телефону. Но сейчас, когда мы пишем на доске, каждую букву видно как на ладони. Мама говорит, что есть учёные, которые могут определить характер человека по почерку. Я не учёный, но мне кажется, что все буквы, которые ты пишешь, – это твой народ. Они

живут в тебе: и вытянутый овалчик «б» с решительной, остроугольной закорючкой, похожей на ручку шарманки, и потомственное гордое «П» с ножками ампировских львиных кресел, и хорошенькое «е», и стремительное «М».

Я бы расцеловала каждую твою букву. Потому мне и не хотелось стирать их, когда меня вызвали. Я стёрла только то, что было написано до тебя, и писала сверху. И последний хвостик «я» в моей строке коснулся первого хвостика твоего «П», как будто они взялись за руки...

Видишь, каждый сходит с ума по-своему.

Милый мой Максим, я боюсь, что, по своей привычке, превращаю свою любовь, да и тебя вместе с ней – в слова. Знаешь, это, наверное, потому, что я знаю, как с ними управляться. А вот как справиться с собой, когда ты стоишь и смотришь, – не знаю...

Счёт методом ряда

«Завтра Данилка не придёт, как и сегодня, – думала Дашка, засыпая. – Не может же он выздороветь за один день! А Ксюша опять усядется к Ане, они всегда садятся вместе на физике. И тогда Максима посадят на единственное свободное место, рядом со мной... Только бы завтра не нашлось других свободных мест!»

В кабинете физики четырнадцать парт, а не пятнадцать, как везде. И 8 «Б», состоящий из тридцати человек, умещается в нём только тогда, когда кто-нибудь болеет.

Дашка намечтала правильно: всё случилось так, как она хотела. Максим слегка поскандалил с Ксюшей (как-никак, она опять захватила его законное место) и физик пересадила его за первую парту к Дашке.

Солнце в окне слева слепило глаза, но зарумянилась почему-то не левая щека, а правая. Ах, Анюта такая счастливая! Она сидит рядом с ним всегда! И чувствует где-то близко его дыхание, временами ловит его весёлый и лукавый взгляд.

– Классно! Эту лабораторку я точно напишу на пять! – Максим придвинулся поближе и, с явным намерением списывать, задел Дашку локтем.

Она улыбнулась.

– Ну? – он подмигнул.

Подошедший к их парте физик принялся объяснять, как надо сложить горошины, чтобы подсчитать их методом ряда.

– Тела малых форм трудноизмеримы. Иногда для вычисления их размеров пользуются методом ряда. Тела выстраиваются в ряд, а потом общую длину делят на количество тел.

– А толщину так можно измерить? – поинтересовался Максим.

– Можно.

– Прикинь, – громким шёпотом сказал он Дашке, – мы такие стоим на физ-ре, выстроились в ряд. Нас таких подсчитали. И тут вдруг тело Сибирцевой и тело Дугиной оказались одинаковой толщины!

Ира Сибирцева была полненькой, а Вика Дугина, наоборот, не знала, как одолеть худобу.

– Этот метод для вашего класса не подходит, – сказал физик, никогда не пропускавший мимо ушей ни одного шёпота и умевший ловить на лету записки. – Ибо ваши тела никак нельзя назвать малыши.

Дашка мучительно покраснела. Ей показалось, что Анатолий Андреевич почувствовал её смятение и нарочно подслушивал, о чём они говорят.

– Ты не отвлекайся, Приходько. Пересесть на место Куракина – ещё не значит достичь его уровня понимания физики.

За спиной ехидно хмыкнул Сёмушкин.

Дашка аккуратно сложила горошины в железный желобок.

– Давай помогу, что ли, – предложил Максим.

Они сложили горошины в желобок, и пальцы их соприкоснулись. Дашкины руки тут же похолодели, так что Максим отдернул от неожиданности палец.

– Что ж такие руки ледяные?

Дашка подняла на него ресницы, опять улыбнулась и не смогла ничего сказать. Наверное, это оттого, что весь жар скопился в груди, и сердце стало таким тяжёлым, что трудно дышать.

Так они и сидели – вполоборота друг к другу. Максим говорил, говорил, говорил («неужели он всегда столько болтает?»), а Дашка улыбалась.

Видела бы она себя! Лицо покраснелось, волосы выбились из причёски, пушились и разлетались надо лбом, глаза сияли счастливым блеском.

Лабораторка оказалась совсем несложной. Физик прошёл по рядам, проверил, как идут дела, а у их парты не задержался – только многозначительно улыбнулся:

– Тебя, Кондрашова, надо бы, наверно, пересадить. А я думал, вы с Куракиным – два друга: Мороз и Вьюга.

Учителя... Ну, куда от них скрыться? Ну, почему им до всего есть дело? И ещё Олеська захихикнула сзади...

Куракин... А что Куракин? Как будто они муж и жена! Вот сами посадят с кем-то, а потом упражняются в остроумии! Конечно, тут есть, чему улыбнуться. По росту сидеть бы Дашке на последней парте, но она оттуда не видит – близорукость. И приходится сидеть с Данилкой, который ей по плечо, никак не вырастет. Он ласково зовёт Дашку «слонопатамчик» – за то, что она сдвигает с грохотом стулья и шатает стол, когда протискивается из своего угла отвечать у доски.

Данилка шарит в физике и алгебре, играет с детства в шахматы, и в этом ему нет равных. Ему прочат большую славу.

Конечно, лабораторки удобнее делать с Данилкой, но эта – настолько простая, что... Дашке кажется, что горошины – это планеты, а они с Максимом – космические великаны, подсчитывающие диаметр планет. На каждой есть жизнь, и протекает она в причудливых, не постижимых для человека формах. Например, вот на этой первой живут существа, похожие на тюленей. Они общаются соприкосновением усиков и взмахами хвостов. Лучшие представители обходятся взглядом глаза в глаза...

Глаза в глаза...

– Даш, а у тебя почерк очень красивый!

Зачем он так? Разве не знает, что нельзя такими глазами *так* смотреть?.. Море, небо, море, небо, море... Космос!

Однажды в глубоком детстве Дашку возили на море. Она почти ничего не помнит, кроме тёплых волн, поочерёдно бьющихся о берег. Дашке хорошо и страшно было стоять у кромки воды, сомкнув глаза и плотно сжав губы. Нарастает медленный гул, пробегает холодок по коже, и вот уже тебя всю – с ног до головы – накрывает холодом и солью, и вместе с отбегающей волной со страшной силой влечёт на глубину.

Вот и сейчас – так...

Урок закончился, а Дашке не хочется уходить. Берёза за окном белее белого – сияет и дышит прохладой. И кажется, что ветки, переплетаясь, поют: «Макси-и-им, Макси-и-им...», осыпают в синий воздух звонкие круглые листья.

Из дневника неотправленных писем

12 сентября

Сегодня воскресенье и я скучаю по тебе. Наверное, я одна такая глупая, что хочу в школу. Тяжело пережить без тебя даже выходные – не то, что каникулы!

Тепло. Мы катались с братьями на велосипедах. Было немного грустно, потому что всё почти такое, как летом, но вот-вот закончится.

Папа сказал, что если постоит такая погода, мы поедem через неделю за грибами. Это хорошо. Я уйду подальше в лес и буду думать о тебе. Так думать, как думают деревья. Вопьюсь корнями в землю, чтобы не улететь от счастья, раскину руки, чтобы они, как ветки, звенели на ветру: «Вот такая я сильная, высокая – и всей своей силой, и всей высотой – люблю синеглазого мальчика, лучшее дерево в этом лесу».

Глава шестая. Кража

Дашка вернулась домой счастливая. Куда более счастливая, чем положено, когда совершаешь преступление. И совесть её не мучила. Скорее с восторгом, чем со стыдом Дашка плюхнулась на прогретое за день крыльцо рядом с Филькой.

«Сегодня я совершила кражу, – сказала она, обняв его за шею. – Вот, посмотри-ка».

Открыв портфель, Дашка достала слегка помятый тетрадный лист в линейку – чуть желтоватый, с полями, отчерченными фиолетовой пастой. На листке аккуратным женским почерком было написано:

«Уважаемая Валентина Сергеевна! Максим не был сегодня в школе по уважительной причине!».

Когда Максим отдавал записку, Валентина Сергеевна недовольно скривила губы:

– Что же за причина такая?

– Уважительная! – гордо бросил Максим, не опуская приподнятого подбородка.

– Хм, проспал, небось... У матери у самой ещё молоко на губах не обсохло – а туда же, выгораживает лентяя.

Дашка никогда не видела на губах Елены Валерьевны каплю молока. Она наоборот казалась ей довольно грозной. Но для Валентины Сергеевны, педагогический стаж которой подбирался к полувеку, мама Максима, безусловно, была девчонкой.

Записку пренебрежительно засунули под обложку журнала, и Дашка выжидала целый день, чтобы все про неё забыли, а потом, пользуясь положением старосты, хранительницы журнала, незаметно её присвоила.

Бумага не пахла ничем – как ни старалась Дашка выдышать запах *его* дома, *его* мира. Но сам её цвет, форма букв, выведенных рукой его мамы, нежная линия складки на чуть помятом листке были ей бесконечно дороги. Показав добычу Фильке, Дашка унесла её в свой тайник, сделанный в стене за кроватью.

– Даш, почитай мне! – из зала выбежала Саша. – Нам задали в школе, а я никак не могу в них во всех разобраться. Ты вроде такое любишь. Только прочитай так, чтобы я поняла, ладно?

Она протянула Дашке сборник греческих мифов.

– ...Жил юноша по имени Нарцисс. Был он застенчив, долгие дни проводил в сумраке рощи, сидя на берегу пруда и никому не показываясь. Лишь резвые нимфы видели его и смеялись над ним. И только одна из них, прекрасная нимфа Эхо, прониклась к нему любовью. Велика была любовь её, но юноша не ответил ей. От любви и тоски истаяла нимфа. И остался от неё только голос. Только голос, повторяющий слова Нарцисса. Боги же возмутились бессердечием юноши и в наказание заставили его влюбиться в собственное отражение. Долго томился он от безответной любви к своему отражению, умер и превратился в цветок. У греков цветы нарцисса долгое время считались символом смерти...

– Даш, закрой книжку! Не хочу такую сказку... – Саша потянулась и спрыгнула с дивана на пол. – Она грустная. И почему этот мальчик нимфу не полюбил? Вредный!

– И правда... Но зато его наказали – видишь, как жестоко!

– Почему жестоко? Нормально. Я тоже хочу цветочком быть!

– Да ты и так у нас цветочек! – Дашка улыбнулась, заметив, как сестра покраснела от похвалы.

«И почему, действительно, не полюбил? – подумалось вдруг. – Вот ведь как, даже нимфу... Даже нимфа может быть нелюбимой. Тогда как, почему, "за что" вообще любят? И можно ли это заслужить, как, например, оценку? Может, если я выиграю всероссийскую олимпиаду по литературе или мои стихи напечатают в самом крутом журнале, Максим обратит на меня внимание? Нет, ведь литературу он в обзём-то еле-еле переносит. Вот если бы выиграть спортивную олимпиаду. Но это – точно из области фантастики! Тогда точно надо стать не собой, "из кожи вон вылезть" – так, кажется, говорят?..»

Дашка так глубоко задумалась о разных видах спорта, о греческих и современных олимпийских играх, что не заметила, как сборник мифов выпал у неё из рук. И, только вспомнив о записке, она встала, тихонько прошла к себе и достала заветный листок, чтобы в сотый раз вдохнуть его тонкий, уже почти неощутимый аромат.

Из дневника неотправленных писем

1 октября

Мой милый Максим, сегодня мы были древними греками. Ты слышал о поэтессе Сапфо? Она жила на острове и любила одного юношу, а о тех, кто мог каждый день его видеть, она говорила: «Богу равным кажутся мне по счастью...».

Знаешь, я её понимаю. Например, таким человеком, равным по счастью Богу, кажется мне Алина, твоя сестра. Вы оба такие красивые, светлые! Только зачем ты бьёшь её иногда на переменах? Или у вас такие игры?

Иногда мне так хочется быть твоей сестрой! Я бы смогла. Мне ведь не надо ходить с тобой в кино, становиться твоей женой, рожать от тебя детей. Я бы просто хотела заботиться о тебе, всегда быть рядом, утешать тебя в трудную минуту. Сестёр обычно не видят, не ценят: ну, есть она – и есть, это само собой разумеется. Может, вот так ты бы смог ко мне относиться. Я знаю: по-другому – нет.

Так вот, мы были древними греками, мы с тобой – брат и сестра. На берегу Адриатического моря на горе стоял дом нашего отца с колоннами, бассейном, портиками и световыми колодцами в крыше. Целыми днями ты занимался спортом: стрелял из лука, метал диски с другими юношами, учился править колесницей. Отец подарил тебе тройку прекрасных белых коней и когда ты, в белом хитоне, сам смуглый, щурясь от солнца, напрягая мышцы рук и ног, тянул на себя шёлковую узду, ты был похож на Гелиоса.

А я бродила весь день в тени оливковых рощ, собирала камни у моря: бирюзу – в цвет твоих глаз, и сердолик – в цвет моих. Возвращалась к вечеру, садилась на открытой террасе, где высоко, смотрела на жемчужную гладь моря, чувствовала, как ветер треплет складки пеплоса, перебирала струны кифары.

По вечерам на половине отца бывали пиры. И ты вместе с другими юношами присутствовал на них, похвалялся своими успехами. Тебе прочили славу олимпийца. Мы с матерью сидели отдельно, занимались рукодельем, слушали неспешные речи женщин. Иногда меня звали к вам – сыграть или спеть что-нибудь. И я робко пела песни о тебе, мой прекрасный брат – песни, которые сочиняла каждый день, в которые вплетала и стрёкот цикады, и запах водорослей, и немоту летнего полудня, и негу ночи, и прозрачность утренней звезды...

Я нежно люблю тебя, милый мой брат.

Перед грозой

Дашка не любила подслушивать, но не слушать, что происходит вокруг, бывало трудно. Когда у неё появился первый сотовый телефон, она никак не могла различить голос собеседника. Отвлекало всё: шум проезжающих машин, голоса птиц, разговоры прохожих. Сосредоточиться на звуке внутри мобильного удавалось только в полной тишине.

Дашка даже поделилась «проблемой» с школьным психологом Ольгой Павловной. В тот день их по списку отправляли к ней в кабинет, надо было о чём-то поговорить, а советоваться о главном Дашка не хотела. Вот и придумала такой странный вопрос.

– Это твоя единственная жизненная сложность? – улыбнувшись одними глазами, спросила Ольга Павловна.

– Вообще-то нет, – честно покраснела Дашка, но остальное... мне даже нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.